
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ПРЕДМЕТНО-ПОНЯТИЙНЫЙ МИР РУССКОЙ ЛИРИКИ В ПРОЕКЦИИ ИЗДАНИЯ “СЛОВАРЬ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ. ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА РУССКОЙ ЛИРИКИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА”¹

© 2015 г. О. Е. Иванова

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
olliva95@yandex.ru

THE WORLD OF OBJECTS AND CONCEPTS OF THE RUSSIAN LYRICS AS PROJECTED BY THE DICTIONARY OF POETIC LANGUAGE. THE EXPRESSIVE MEANS OF THE RUSSIAN LYRIC POETRY OF THE LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

© 2015 Olga Ye. Ivanova

Doctor of Philology, Leading Researcher at The V.V. Vinogradov
Russian Language Institute of the RAS, 18-2 Volkhonka Str., Moscow 119019, Russia
olliva95@yandex.ru

В статье анализируется материал издания “Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века” в аспекте изучения русской языковой картины мира – в той ее части, которая формируется поэтическими ассоциативно-образными средствами. На конкретных примерах показаны специфика поэтических тем в сравнении с общезыковыми концептами и их общее понятийное содержание.

The article analyzes the Dictionary's material as far as it concerns studying the picture of the world in the Russian language – in that part of it which is formed by poetic associative means. Some particular examples illustrate specific poetic views of the world in comparison with the common language concepts and their general conceptual content.

Ключевые слова: русская лирика, язык поэзии, словарь языка поэзии, поэтическая номинация, концепт, языковая картина мира

Key words: Russian lyrics, poetic language, Dictionary of poetic language, poetic nomination, concept, language picture of the world

В последние десятилетия в русистике сформировался устойчивый интерес к изучению русского языка как инструмента познания и репрезентации языковой картины мира. Отмечено, что отечественная когнитивная лингвистика базируется на лингвистических данных и использует “для решения поставленных проблем именно те [данные. – О.И.], что может извлечь лингвист при анализе языковых явлений, единиц, категорий, различных языковых форм” [1, с. 28]. В этом смысле “Словарь языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века”² занимает

особое место среди словарей, описывающих русский язык в его эстетической функции. Образный мир русской поэзии представлен в нем через систему номинативных выразительных средств. Это позволяет использовать содержание словаря как материал для изучения концептосферы русского языка в том ее сегменте, который сформировался в итоге развития поэтического языка целой исторической эпохи. Как пишет Д.С. Лихачев, «... если изучать всю сферу концептов (или, иначе, “концептосферу” национального языка), то тут оказывается необычайное богатство и теснейшая

¹ Работа создана при поддержке РГНФ, проект № 13-04-12026 “Образный инструментальный русский лирики”.

² Словарь является переработанным и значительно дополненным изданием книги тех же авторов: Н.Н. Иванова,

О.Е. Иванова. Словарь языка поэзии: Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века. М.: Астрель, Русские словари, Транзиткнига, 2004. 666 с.

связь с культурой народа – с литературой и устным народным творчеством в первую очередь» [2, с. 162], так, например, “...значение ‘путь’ как ‘жизненный путь’ традиционно вошло не только в систему русского языка, но и в систему русского поэтического мышления” [2, с. 160].

В “Словаре языка поэзии” более 350 тематических словарных статей, среди которых, например, *жизнь, смерть, беда, счастье, истина, любовь, поэзия, молодость, будущее, прошлое, вера, разум; Бог, ангел, дьявол, бес; солнце, луна, мороз, весна, осень, зима, небо, море, радуга, туман, свет; человек, девушка, старик, юноша, поэт, влюбленный, крестьянин; задумчивость, ненависть, отчаяние, печаль, радость, ревность, скука, смех, страх, тоска; деревня и город, поле и лес, вода, воздух и земля, душа и тело, рай и ад* и мн. мн. другие. Всё это темы, традиционно находящиеся в сфере внимания русских поэтов, темы, к которым в разные периоды обращаются разные авторы, не только воспроизводя узнаваемые устойчивые образы, через которые реализуется какая-либо тема (например, любовь как *огонь, жар, зной, пламя, пожар*), но и развивая её, добавляя новые краски, новые черты в соответствии со своими творческими задачами. Так, только у Игоря Северянина традиционный огонь любви ассоциируется с летним месяцем июлем: “И поплыл я, вдыхая сигару, / Ткя седой и качеляющий тюль, – / Погрузиться в твою Ниагару, / Сенокоса твой спелый июль” (“Эксцессерка”), а столетием раньше Жуковский воплотил любовное чувство в виде пламенных коньков – этот образ так и остался не повторенным: “Не я ль исчахнувши забвенья в кандалах, / Катался день и ночь на пламенных коньках? / И что же? Я забыт! О пол неблагодарный” (“Коловратно-курьезная сцена...”). Игорь Северянин использует также оригинальное представление любви как поезда: “Солнце, закатное солнце! твой дирижабль оранжев! / Сяду в него, – повинуйся, поезд любви обгони!” (“В пяти верстах по полотну...”), и у одного лишь Шершеневича любовь выступает не просто как насилие (ср. традиционные *неволя, плен, железы, оковы* любви), а как совокупность людей, осуществляющих это насилие: “Под конвоем любви мне, шерамыжнику, / Кандалами сердца бряцать” (“Песня-песней”); “Как пролетки промчались в крови... / А по улицам бродят, по панелям топчут / Опричиной любви” (“Принцип растекающейся темы”). Подобные индивидуальные образы расширяют границы традиционной для поэзии темы любовной страсти, причем их новизна воспринимается именно на фоне устоявшихся ассоциаций.

Объем привлеченного материала в словаре чрезвычайно обширен: в нем представлена русская лирика почти полуторавекового периода – начиная от эпохи становления русской лирической поэзии в конце XVIII века (Тредьяковский, Сумароков, Богданович, Голицын, Державин, Капнист, Карамзин, Княжнин, Радищев, Хемницер и др.) через весь поэтический XIX век (Языков, Баратынский, Батюшков, Вяземский, Гнедич, Жуковский, Козлов, Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев, Некрасов, Бенедиктов, Полонский, К.Р., Хомяков, Павлова, Чюмина и др.) и кончая поэзией первой трети XX века, поражающей разнообразием поэтических систем и стилей (Блок и Маяковский, Северянин и Бунин, Цветаева и Ахматова, Волошин и Кузмин, Бальмонт и Есенин, Городецкий и Брюсов, Гиппиус и Мережковский, Клюев и Пастернак и др.). В словаре охвачены тексты более чем 270 авторов – это лирические произведения не только наиболее известных поэтов, чье творчество признано образцом и традиционно причисляется к поэтической классике, но и стихотворения малоизвестных или почти неизвестных авторов. Привлечение авторов “не первого ряда” принципиально необходимо при описании поэтического языка: его система складывается как совокупность отдельных поэтических систем – языков различных авторов, принадлежащих различным школам и направлениям.

Поэтизируемые темы, включенные в “Словарь языка поэзии”, выявлены на основе лингвистического анализа множества текстов, позволившего определить уникальный объект словарной систематизации. Таким объектом являются образные или – шире – выразительные средства языка поэзии – поэтические номинации, или поэтические наименования. Поэтические номинации – это субстантивные сочетания слов и отдельные существительные, имеющие в поэзии особый эстетический смысл, особую семантическую и экспрессивную нагруженность и обладающие языковой формой, что позволяет опознавать и выделять их в контексте³. Именно языковая природа этих единиц обусловила принципиальную возможность лингвистического описания языка поэзии в словарной форме. Имеются в виду следующие типы единиц языка поэзии, составившие лексикографически обработанный материал словаря:

1) описательно-метафорические сочетания (*полог неба, полог небесный* – о небе, *бездна ночи, бездна ночная* – о ночи, *степь водная* – о воде);

³ Поэтические номинации как средства поэтического языка и компоненты художественного текста рассматриваются в работе [3].

2) перифрастические сочетания (*полог голубой* – о небе, *зеркало жидкое* – о воде, *мантия черная* – о ночи);

3) слова-символы, различные по своему генезису (*Муза, лира* – о поэзии, *наяда, кристалл* – о воде, *меч* – о войне, *пропасть* – о небе, *шелк* – о ночи, *завесы* – об облаках);

4) метафоры (*горение, остуда, голубок* – о любви, *таракашки, тли* – о людях, *астра, белолилия, лютик, хризантема* – о девушке, женщине, *брильянты, опалы, яхонты* – о каплях, *черепаша* – о лире), в том числе обратные (*радуга дуги* – т.е. дуга радуги, *паутина радуг* – т.е. радуга паутины, *озеро зеркал* – т.е. зеркала озера);

5) метонимии (*люлька* – о детстве, *Слово* – об Иисусе Христе, *глас, карандаш, орган, палитра, резец, струна* – об искусстве, *паруса* – о кораблях);

6) признаковые словосочетания (*синева небес, зеркальность вод, тьма ночей, мрачность думы, мглистость души*);

7) признаковые слова в абсолютном употреблении (*лазурь, синь* – о небе, *зеркальность, синь* – о воде, *синева* – об озере);

8) субстантивированные формы – одиночные прилагательные, адъективные и причастные обороты, предикативные конструкции (*трёхликая, двурогая, Старый* – о луне, месяце, *влачащие посох железный* – о людях, *не имущий хлеба* – о бедняке, *безначальный, окропляющий травы росой, чей взор миры зажег* – о Боге, *та, что под крестом тогда стояла* – о Богородице, *гладкий, кто-то косматый, кривой и рогатый* – о бесе, чёрте, *идущий за плугом, чья жизнь, как ночь, темна* – о крестьянине);

9) прямые книжные наименования и лексические поэтизмы, не являющиеся образными (даются выборочно, напр., об осени – *дни осени*, о весне – *пора весенняя*, о лете – *время летнее* и др., о поэте – *певец, бард*, о крестьянине – *жнец, многострадалец*, о могиле – *гроб*, о воде – *влага*, о солнце – *светило* и др.).

Существенно, что все эти типы поэтических наименований – как тропы, так и единицы, не содержащие уподобления, – обладают качеством выделяемости в художественном тексте: они достаточно легко узнаются и воспринимаются читателем именно как носители поэтического начала стихотворного текста. Как писал В.Д. Левин, касаясь специфики средств “поэтического языка”, “среди этих общеязыковых средств поэтического языка фразеология в различных ее проявлениях – поэтические перифразы, описательно-метафори-

ческие сочетания, символика словесных сцеплений и под. занимает едва ли не первое место как по устойчивости и употребительности, так и по своей эстетической значимости” [4, с. 3].

Поэтические номинации сближены и объединены в тематические единства на основе отношения к одному общему понятию (далее называем его денотатом, в другой терминологии это “концепт”), причем это отношение понимается скорее как интерпретация этого понятия, а не обозначение (см. об этом ниже). Определение отнесенности какой-либо поэтической номинации к тому или иному общему понятию и последующее включение ее в соответствующую тематическую статью часто является непростой эвристической процедурой, требующей использования арсенала лингвистических и лингвопоэтических данных. При установлении ориентированности единицы на характеристику того или иного денотата постоянно учитывалось преобладание семантического критерия над формальным. Например, в тексте “Нет, не жди ты песни страстной, / Эти звуки – бред неясный, / Томный звон струны” (Фет, “Нет, не жди ты песни страстной...”) перифраза употребляется в предикативной функции и формально характеризует *звуки*, однако так как *эти звуки* в контексте относятся к *песне*, а *песня* есть метонимическое обозначение поэзии, то, руководствуясь значением, выявляющемся при анализе художественного текста, эта перифраза включена в статью **о поэзии, поэтическом творчестве**. В тематическую статью **о поэтическом произведении, стихах** отнесено описательно-метафорическое сочетание *стон любви докучный* в стихотворении Пушкина “Разговор книгопродавца с поэтом”: по формальным основаниям оно связано с другим означаемым – *словами*, так как в контексте выступает в роли приложения: “*Докучный стон любви, слова* покажутся мои...”, но по смыслу оно используется для обозначения стихов, поскольку *слова* здесь употреблено метонимически.

Словарь сформировался на основе обширного массива цитат⁴, извлеченных из источников XVIII–XX вв. ради поэтических наименований разных понятий и предметов, многие из которых являются крайне значимыми в поэзии. Л.Я. Гинзбург писала о “ключевых” или “больших” темах лирики, “которые касаются коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей и

⁴ Важно отметить, что словарь не претендует на исчерпывающее включение материала первоисточников, поскольку пропуск отдельных единиц объективно и субъективно неизбежен. Это обстоятельство оставляет возможность для дальнейшего пополнения словаря, восполнения лакун, корректировки состава статей.

порой имеют источники в самых древних представлениях” [5, с. 153]. И хотя многие традиционные темы лирической поэзии известны, принципиально важно в нашем случае отметить, что словарь не является заданным перечнем тем, под которые подбирался бы материал⁵. Напротив, тематические статьи словаря сложились в процессе индуктивной работы, синтеза, восхождения от множества частных наименований, к которым задается вопрос “о чем это сказано?”, к обобщенным темам; от номинативных единиц языка к смысловым единствам, объединенным общим ответом “это сказано о том-то”. С достаточной степенью уверенности можем утверждать поэтому, что в словаре отражены практически все значимые темы русской лирики описываемого периода, отличающиеся воспроизводимостью, повторяемостью в поэтических текстах. Для тематики “Словаря языка поэзии” весьма значим и фактор лексикографической интуиции авторов⁶, поскольку в отдельных случаях было сочтено необходимым включить такие темы, которые могут показаться незначительными (*альбом, паутина, пот, росинка, хвоя*). По мнению авторов, в системе художественных представлений, отраженных в языке лирики, данные темы существенны: они или сопоставлены с другими темами (*росинка и снежинка, хвоя и лист*) и образуют группы по признаку синонимии/антонимии, или поэтизируются на протяжении всего рассматриваемого исторического периода (*паутина, пот*) и потому заслуживают своего места в словаре, или, как *альбом*, значимы для русской бытовой картины мира (по выражению Ю.М. Лотмана, «альбом был важным фактом “массовой культуры” второй половины XVIII – первой половины XIX в., являясь своеобразным рукописным альманахом» [7, с. 634]).

⁵ В сопоставительном плане – с точки зрения формирования тематического множества – показателен пример, реализованный в концепции общезыкового семантического словаря “Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации”, в котором парадигма ключевых концептов русского языка выявлялась на основе учета различных предварительно определенных факторов, например, выраженность концепта различными частями речи, т.е. многообразие его языкового проявления; представленность в частотных данных словаря-тезауруса синонимов русской речи, которые показывают, “какие сферы бытия наиболее значимы для русского национального сознания” [6, с. 9–10].

⁶ Роль компетенции составителей особо отмечается лексикографами: “...важным при отборе концептов для их включения в словарь оказывается и субъективный фактор, учитывающий собственные представления авторов-составителей словаря о наивной картине мира, значимости для нее тех или иных фрагментов бытия, их лексикографическая интуиция” [6, с. 10].

“Словарь языка поэзии” является разновидностью идеографического словаря⁷, выступает как тематически разнообразное собрание, в котором представлены названия экзистенциальных тем (*судьба, любовь, смерть, счастье, искусство, природа*), динамических сюжетов (*бой, застолье, похороны*), состояний и чувств человека (*болезнь, жалость, отчаяние, радость*), названия объектов и субъектов окружающей действительности (*радуга, туман, улица, фонарь, красавица, поэт, ребенок, юноша*), мифологических персонажей (*Адам, Ева, Морфей, Харон*) и персонажей сверхъестественного мира (*Бог, Иисус Христос, бес*). Полагая, что совокупность денотатов, представленная в словаре, является поэтической проекцией языковой картины мира как она сложилась на протяжении почти полутора веков. Говорим именно о поэтической проекции, поскольку, отвлеченные от множества реальных контекстов, обобщенные понятия, во-первых, генетически принадлежат поэтическому дискурсу, а во-вторых, несут на себе отпечаток творческих личностей, общего и индивидуального поэтического мышления, а не мышления логического.

Как указывалось выше, каждая из тематических статей организована как самостоятельное множество поэтических номинаций, отнесенных к определенному отрезку внеязыковой действительности – предмету, признаку или событию, который мы называем денотатом. Заголовок тематической статьи в словаре – это наиболее общее по смыслу и стилистически нейтральное название денотата в форме предложной конструкции с предлогом “о” (напр., **о Боге, о воздухе, о душе, о счастье** и т.д.). Использование предложной конструкции в качестве названия – это специальный прием, призванный “показать асимметрию между словом в его прямом значении и поэтической номинацией, природа которой полифункциональна в силу присущей ей способности совмещать номинативную функцию с функциями образной и эмоциональной, а семантика объемнее и глубже в силу большего количества составляющих ее сем” [8, с. 115]. Здесь возвращаемся, таким образом, к пониманию поэтической номинации как единицы, не только называющей, но и специфици-

⁷ Общеизвестно, что в идеографических словарях “лексика подается не по алфавиту, а располагается по группам слов – лексико-семантическим группам, в которых все слова сближаются благодаря тому, что участвуют в выражении одного общего понятия (например, лексика цвета, лексика трудовой деятельности, лексика эмоций, лексика движения и т.п.). Подобное идеографическое описание лексики напрямую связано с выявлением закономерностей и особенностей отображения мира, т.е. с проблемой выявления русской языковой картины мира” [6, с. 4].

чески интерпретирующей обозначаемый денотат. Действительно, в отличие от заголовка словарной статьи в общеязыковом толковом словаре заголовков “Словаря языка поэзии”, например, **о жизни, бытии** лишь отсылает читателя к обозначенному понятию, показывает приблизительность этого обозначения, а не прямо называет понятие. Знак равенства между именем в названии и содержанием статьи, как это принято, например, в общеязыковых толковых словарях, в этом случае не ставится. Собранные под заголовком номинации не являются ни определениями, ни толкованиями, ни прямыми наименованиями того концепта, который выражен словом в заголовке. Нельзя сказать, что *мелькающие стиги* (Бунин), *бешеная тройка* (Есенин), *безбрежное колыханье без цели и следа* (А.К. Толстой) или *деловая сволочь прозаических сует* (Языков) это и есть жизнь, но это есть – определяемая контекстом, поэтической или культурной традицией, общеязыковыми или внутрипоэтическими связями или интенцией автора – отдельная черта жизни, один художественный штрих на общей картине поэтизируемой темы бытия.

Информативный потенциал “Словаря языка поэзии” позволяет проанализировать отбор предметов и явлений действительности, имеющих описательное обозначение в поэтическом дискурсе. С одной стороны, в поэзии немало вечных тем, постоянно находящихся в фокусе поэтического осмысления у поэтов разных мировоззрений: “Это темы жизни и смерти и смысла жизни, любви, вечности и быстротекущего времени, природы и города, труда, творчества, судьбы и позиции поэта, искусства” [5, с. 153]. По мнению Л. Гинзбург, “в XIX веке наряду с темой природы, в противостоянии этой теме, утверждается новая, урбанистическая тема, тема города с его красотой, мощью, ужасом и жестокостью. Она в свою очередь скоро становится традиционной” [5, с. 153]. Но вот всплеск интереса к теме **улицы** как неотъемлемой части города приходится уже на XX век, хотя ранее, по данным словаря, Пушкин и Бенедиктов каждый единожды затронули ее: “Стояли стогны озерами / И в них *широкими реками* / Вливались улицы” (Пушкин, “Медный всадник”) и “Настала ночь. Утих базар. *Теснины улиц* глухи, немы” (Бенедиктов, “Бахчисарай”). Также в XX веке с появлением новых реалий, поражающих воображение современников, началась поэтическая разработка образных тем **автомобиль, самолет**, а немного раньше в орбиту поэтической образности попал **поезд** (Полонский, Бенедиктов, Якубович, Фофанов), ставший объектом ассоциативной игры прежде всего для Д. Бурлюка и С. Есени-

на. С другой стороны, такие темы, как **альбом, Бахус, благодарность, богатство, Борея; бражник, пьяница; Венера, добродетель, зависть; правила, требования общества; праздность, предрассудок** остались в истории поэтического языка, отмеченные лишь единичными интерпретациями поэтов начала века XX. В поэзии, как показывают материалы словаря, также бывает значимо обращение к таким сущностям, которые если и отражены в общеязыковых классификациях, то находятся на самых нижних ярусах логического дробления, таковы, например, кажущиеся очень узкими темы *звучания часов* или *звучания колокола, колокольчиков, бубенцов*. Кроме того, известный элемент общеязыковой классификации может приобрести здесь особую значимость вследствие перенасыщения поэтическими коннотациями. Так, например, не равноценны понятие ‘проститутка’ и поэтическая тема *блудница*, разрабатываемая на протяжении полутора веков от Петрова, Карамзина, Пушкина и Теплякова до Ходасевича, Волошина, Игоря Северянина, когда *прелест, лаис, цирцей, нимф и сирен* сменили *незабудки, орхидеи, ночная бабочка* (Игорь Северянин) и *безгрешность порочного цветка* (Волошин). Значительное содержание в этой теме во все времена положительной, сочувственной оценочности в некотором смысле повлияло на само название тематической статьи – **о блуднице**, в котором, как кажется, удалось преодолеть “жесткость” общеязыковой номинации (преодоление той же жесткости и в названии статьи **о бражнике, пьянице**).

Тематическое разнообразие, представленное в словаре, можно распределить по нескольким крупным разделам, опираясь на значимость для поэзии определенных типов тематики, интерес к которым не ослабевал на протяжении длительного исторического периода (см. цит. выше высказывание [5]). Это такие обобщающие, многокомпонентные разделы, как ПЕЙЗАЖ, ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, ЧУВСТВА И СТРАСТИ, МЫСЛЬ И РЕЧЬ, ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО, РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ, практически все они могут иметь дальнейшее членение, то есть быть как бы скелетными ветвями тематического дерева (предоставляем читателю возможность нарисовать это дерево). Особую специфику для поэтической картины мира представляет тема поэтического творчества, труда поэта, осмысление места этой деятельности в жизни самого поэта, что дает основание поставить ее на верхнюю ступень тематической классификации. Будучи очень значимой в поэтическом дискурсе, эта тема вместе с тем компактна и представлена в словаре

статьями: **о поэзии, поэтическом творчестве; о поэте; о поэтическом вдохновении, творческом состоянии; о поэтическом произведении, стихах; об Аполлоне (Фебе); о музе; о Парнасе; о Пегасе; о рифме; о стихотворных строках; о строфах.** Именно освященное длительной традицией поэтической практики понимание тематики “поэт и поэзия” как исключительно важной и составляет прежде всего то особенное и неповторимое качество, которое определяет в целом классификационное отличие поэтической картины мира от той, что присуща общеязыковому сознанию, в которой концепт *труд* (а тем более труд поэта и стихи как результат его труда) занимает далеко не первые позиции в иерархии понятийных категорий⁸.

Подход с позиции общеязыкового сознания – логического и не ставящего в центр восприятия художественное понимание мира (ср., например, различие между понятиями *пейзаж* и *природа*) – также вполне возможен в отношении материалов “Словаря языка поэзии” и дает иную картину распределения его тематических статей. Верхнюю ступень классификации занимают многосоставные разделы ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК, БЫТИЕ, РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ, вторая ступень классификационного членения ниже показана только для первых двух разделов⁹.

1. ПРИРОДА

1. *Времена года. Времена суток* весна; вечер; восход; день; закат; зима; лето; ночь; осень; природа; рассвет; сумерки, сумрак; утро

2. *Стихии, явления* буря, гроза; вьюга, метель, пурга; жар, зной; молния; мороз, холод; огни; огонь, пламя; паутина; пожар; свет (*‘lux’*); тень; тепло; тишина, безмолвие; тьма; эхо

3. *Водный мир* брызги; вода; водопад; волна; град; дождь, ливень; залив; иней; капля; ключ, родник; лед; льдина; море; озеро; океан; пар;

⁸ Согласно категоризации мира и ее подразделению на 15 основных денотативных сфер, принятой в идеографических словарях [6, с. 23–52], поэтический труд и связанные с ним в поэзии концепты относятся к подразделу 11.8 “Общественно-государственная сфера. Искусство” и частично к подразделу 10 “Сверхъестественное” (мифологические существа).

⁹ Понятно, что и поэтической и общечеловеческой картине мира присущи логические пересечения, вроде того, к чему относятся *вьюга* или *молния*: это стихии или это явления воздушного мира? *град* принадлежит стихиям или водному миру как застывшая вода? *болото* – это мир воды или земли? Автор статьи оставляет за собой право на субъективное решение подобных вопросов.

пена; поток, ручей; пруд; река; роса; росинка; снег; снежинка; струя; туман

4. *Воздушный мир, небесные сферы* ветер; вихрь; воздух; гром; дым; запах; зарница; заря; звезда, созвездие; искра; луна, месяц; луч; небо; облако; радуга; солнце; туча

5. *Мир земли* болото; гора; дорога; земля; камень; песок; поле; пустыня; пыль; скала; степь; утес

6. *Растения* ветви, ветки; виноград; дерево; куст; лепесток; лес; лист; мох; сад; трава; урожай; фрукты, ягоды; хвоя; цветок

7. *Животные* животное; насекомое; птица; птичье пение, крик

II. ЧЕЛОВЕК

1. *Наименования человека* балерина, танцовщица; бедняк; блудница; бражник, пьяница; влюбленный, любящий; девушка, женщина; красавица; крестьянин; покойник, умерший; поэт; ребенок, дети; северянин; старик, старец; человек, люди; южанин; юноша

2. *Периоды жизни* детство; зрелость, зрелый возраст; молодость, юность; старость

3. *Части тела. Физические свойства и проявления* брови; волосы; глаза, взгляд; голова; грудь; губы, рот; зубы; кровь; лицо; лоб; морщины; объятия; палец; плечи; пот; поцелуй; ресницы; рука; румянец; седина; сердце; слезы, плач; смех, хохот; тело; улыбка; ухо; шея; щека; язык (*‘орган’*)

4. *Свойства человека. Состояния человека* бессонница; бледность; болезнь; добродетель; доброта, доброты; задумчивость; лень; молчание; опьянение; покой, спокойствие; порок; сновидение; сон

5. *Чувства. Страсти. Эмоции* благодарность; жалость; дружба; забота; зависть; волнение, тревога; гнев, негодование; желание, стремление; злоба, злость; коварство, хитрость; ласка; лесть; любовь, любовная страсть; месть; надежда; наслаждение, блаженство; ненависть; отчаяние; печаль, грусть, скорбь; равнодушие; радость, удовольствие; ревность; скука; страдание; страсть, чувство; страх, ужас; стыд; тоска; утешение; ярость

6. *Предметный мир человека* автомобиль; альбом; арфа; вино; гроб; дом, помещение; звучание колокола (колокольчика, бубенцов); звучание часов; здание, строение; зеркало; кинжал; кладбище; корабль, пароход; костёр; крест; лира; лодка;

маяк; могила; окно; орудия; оружие; памятник; паровоз; парус; поезд; рельсы; самолёт; снаряды; уголь; флот; фонарь; фонтан; чай; часы

7. *Бытовая жизнь* бедность, нищета, нужда; беды, горе, несчастья; богатство, роскошь; брак, супружество; застолье; измена; ожидание; похороны; правила, требования общества; праздность; предрассудок; привычка; разлука; счастье; труд

8. *Мысль и речь. Духовная жизнь* безумие; вера; воображение, фантазия; воспоминание; добро; дума, раздумье, размышление; душа; заблуждение, обман; зло; знание, ученость; истина, правда; клевета; ложь, неправда; мечта; молва, слухи, сплетни; мудрость; мысль; наука, просвещение; невежество; незнание, неведение; память; разум, ум; рассудок; речь; рифма; слава; слово; совесть; сознание; сомнение; упрёк, укор; хвала; язык ('речь')

9. *Творчество. Поэтическое творчество* дарование, способности; искусство, творчество; музыка; пение; поэзия, поэтическое творчество; поэтическое вдохновение, творческое состояние; поэтическое произведение, стихи; стихотворные строки; строфы; талант; танец

10. *Ойкумена* восток; город; деревня; запад; монастырь; север; улица; церковь; юг

11. *Социальная жизнь* бой, битва, сражение; власть; война; возмездие, наказание; вражда, раздор; выстрелы, стрельба; зависимость, неволя; закон; история; мир ('отсутствие войны'); насилие; победа; позор; рабство, угнетение; свобода, независимость; тюрьма, заключение

III. БЫТИЕ

бессмертие; будущее; вечность; время; жизнь; бытие; забвение; загробный мир, потустороннее бытие (тот свет); земной мир, бытие (этот свет); мгновение; прошлое, бывшее, минувшее; смерть; судьба, рок

IV. РЕЛИГИЯ. МИФОЛОГИЯ

ад; Адам; Амур (Купидон, Эрот); ангел; Аполлон (Феб); Бахус (Вакх, Дионис); бес, чёрт; Бог; Богородица; Борей; Венера (Киприда, Афродита); дьявол, сатана; Ева; Иисус Христос; Лета; Марс; Морфей; муза; Нептун (Посейдон); Парка; Парнас (Пинд); Пегас; рай; Флора; Харон; Фортуна ('богиня')

Если выделение разделов I и II не требует, как кажется, специального комментирования, поскольку они находятся в фокусе также и наивной

картины мира¹⁰, то выделение раздела III. **Бытие** обусловлено пониманием того, что его содержание шире, чем жизнь и смерть человека (в этом случае можно было бы отнести к II. Человек), оно выходит за рамки человеческого существования – в **бессмертие** и **вечность**, в **потустороннее бытие**, в неуправляемые области **времени** и **судьбы**. Отдельный раздел IV. **Религия. Мифология** вобрал в себя явления и сущности мира, параллельного человеку и природе – с **раем** и **адам**, с населяющими его богами и злокозненными существами, со своей рекой (Лета), горой (Парнас), конем (Пегас).

Внимательный взгляд на сгруппированные таким образом поэтические темы обнаружит лакуны и пересечения в перечне обозначений. Например, в II.1 среди наименований человека нет денотата *мужчина*, хотя есть *юноша*, а понятия *девушка* и *женщина* объединены в один комплекс – в поэтическом представлении их оказалось невозможно разделить. В подразделе II.3 среди наименований частей тела нет денотатов *нога*, *живот* – они не привлекали внимание поэтов, также как в II.7 есть *похороны*, но нет, например, *свадьбы*. В подразделе I.7 есть *птица* и *крик птицы*, но для *животного* и *насекомого* соответствующее качество отдельно не выделено (*звук, издаваемый животным или *звук, издаваемый насекомым); в то же время в подразделе II.6 среди предметного мира человека кроме *часов* как механизма выделяется *звучание часов*, но при наличии обозначения *звучание колокола*, *колокольчика* самого предмета *колокол* нет. Таким образом, представляется, что и с точки зрения общеязыкового устройства понятийной сферы, собранной в словаре, словарь показывает избирательный характер картины поэтического мира: с одной стороны, не всё, что существует в окружающем мире, проходит через художественное осмысление и отражается в мире поэтическом, с другой – некоторые частные или специфические предметы и явления

¹⁰ Для сравнения: авторы проспекта словаря "Концептосфера русского языка" так характеризуют наполнение словаря: в нем описываются "концепты, участвующие в формировании наивной картины мира, т.е. концепты, аккумулирующие знания о самых существенных и необходимых сторонах жизни человека, составляющие ядро его представлений о мире. К ним относятся прежде всего антропологически значимые концепты, которые связаны с осмыслением сущности человека, его внутренних (физиологических, эмоциональных, интеллектуальных, религиозных и т.п.) и внешних (бытовых, социальных и пр.) потребностей и того, что находится в ближайшем окружении: живая и неживая природа, быт, населенный пункт, транспорт, а также то, что связано с восприятием окружающего мира: время, пространство, цвет, звук и т.п." [6, с. 9].

“Концептосфера русского языка”	“Словарь языка поэзии”
Радость – это <i>живое существо</i> (“основная метафора”), которое <i>рождается, живет</i> в человеческой душе и сердце, способно <i>приходить и уходить, говорить и молчать</i>	Радость – это* гостя небесная, дева, дочь великого Отца, первенец творенья, спутница на жизненном пути (периферийный ассоциативный ряд) У Радости есть голос, глас, она издает визг, клики, крик и шум
Радость – это <i>легкая жидкость</i> , которая <i>разливается</i> в человеке, <i>бурлит, переполняет</i> его, <i>переливается</i> через край, человек – это <i>сосуд радости</i>	Радость – это приятное питье: бальзам, вино, мед, нектар, роса, сладость, сок и хмель, радость – это елей Радость – это и волна, источник, ключ, поток, струя и ток, т.е. внешнее по отношению к человеку Радость – сама есть сосуд, чаша, фиал
Радость связана с представлением об огне и свете, сиянии	Радость – это сам огонь в виде искра, луч, огни, пламень, пламя, свет, сиянье Радость – это источник света: звезда, солнце, день Радость – это и весна, и заря, и лазурь
Радость связана с представлением о празднике	Радость – это <i>праздник светлый</i> (1 пример)
Радость – легкое чувство, связано с перемещением в воздушном пространстве <i>витать в облаках, как птица</i>	Радость – это голубица, летунья, Филомела, с крыльями и перьями
Радость – это болезнь, инфекция, которой можно заразить других и заразиться самому	-----
-----	Радость – это цветы, лилея, мак и роза, это сплетенные из цветов венец и венок, это целый сад
-----	Радость – это величественное строение: здание, чертог, это ворота и порог

* Использование в таблице конструкций отождествления “радость – это...” условно, оно принято вместо менее удобных выражений “сближается с...”, “ассоциируется с...” и под.

могут быть выдвинуты в центр поэтического восприятия.

Если говорить о содержании поэтических денотатов, то в поэзии нередко оказываются актуализованными признаки, не свойственные представлениям о данном понятии в общем языке. Полагаем, что образно-ассоциативная информация, специфически присущая поэтическому языку, могла бы быть использована для достройки общеязыковой картины мира. Ограничимся лишь одним примером. В отличие от общеязыкового представления о небе как верхнем мире (сошлемся на описание концепта **небо** М.В. Дудоровой и Г.Е. Гуляевой [6, с. 55–61]), в поэзии развита и ассоциация неба с нижней бездной, имеющей в основе сему “глубина, измерение, распространяющееся вниз”: *бездна, бездонность, глубина, глубь, дно, жерло, недра, пропасть, пучина* (ср. оригинальную встречную ассоциацию у Тютчева – моря с небом: “Как опрокинутое небо, Пред нами море трепетало...” (“Восток белел. Ладья катилась...”)). Если, например, в общеязыковом представлении устойчивыми ассоциативно-об-

разными репрезентациями неба являются *купол* и *свод* [6, с. 59], то в языке поэзии оно частотно представляется сводом, опрокинутым выпуклостью вниз и являющимся неким вместилищем, емкостью – от поэтического *чаша, урна* и других сосудов для питья *кружка, кубок, стакан, чашка, фиал* до предметов утвари (и не только столовой) *блюдо, бутылка, миска, таз, тарелка* и далее к более специфическим вместилищам *купель, полость дыни, сот, створа жемчужницы*. В качестве еще одной иллюстрации приведем сопоставление образно-ассоциативного шлейфа значений концепта **радость** из книги [6]¹¹ и тематической статьи **о радости, удовольствиях** в “Словаре языка поэзии”. Образные “приращения” показаны полужирным шрифтом, отсутствие соответствующей образной ассоциации обозначено прочерком (см. таблицу).

Попытка показать представленность образных тем в лирике конца XVIII – первой трети XX вв. демонстрирует как их специфику в сравнении

¹¹ Данная статья разбирается в предисловии к проспекту словаря ключевых концептов как образец.

с общеязыковыми концептами, так и то общее понятийное содержание, которое их объединяет. Полагаем, что “Словарь языка поэзии” способен предоставить свой собственный материал для разработки русской языковой картины мира в той ее части, которая формируется поэтическими ассоциативно-образными средствами. Образная картина поэзии XVIII – первой трети XX вв., сложившаяся в результате применения к лирическим текстам лингвистического инструментария, является неотъемлемой частью русской концептосферы именно в силу той значимости, которую имеет русская литература в осознании идентичности русскоязычного мира. Фразы типа “Как там у Пушкина...” или “А еще Северянин сказал...” и под. демонстрируют включенность русской классической поэзии в языковую культурный код.

Мир предметов и явлений может быть описан в проекции русской культуры – не только через языковые инструменты, но и с помощью материальных объектов, а также обычаев народа, так, как это представлено, например, в “Словаре русской культуры” Ю.С. Степанова.

Мир предметов и явлений может быть описан в проекции русского языка через систему его лексических значений и понятий, так, как это представлено в идеографических словарях – “Русском семантическом словаре” под ред. Н.Ю. Шведовой и в будущем словаре “Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации” Уральской семантической школы.

Мир предметов и явлений может быть описан и в проекции поэтического языка, представленного совокупностью традиционных для русской поэзии тем и специфических средств их выражения, так, как это дается в “Словаре языка поэзии. Выразительные средства русской лирики конца XVIII – первой трети XX века”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов 26–28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. Гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. С. 26–31. [Kubryakova, E.S. [What Cognitive Linguistics Can Offer To The Human Consciousness and Intellect Studies] *Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike: sb. mat-lov 26–28 sentyabrya 2006 goda. Otв. red. N.N. Boldyrev; Federalnoe agentstvo po obrazovaniyu, Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina* [Cognitive Linguistic International Congress: Proceedings, 2006 September 26–28. N.N. Boldyrev (ed.); Federal Agency for Education, G.R. Derzhavin Tambov St. Univ.]. Tambov, G.R. Derzhavin Tambov St. Univ. Publ., 2006, pp. 26–31]
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Очерки по философии художественного творчества / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). 2-е изд., доп. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 147–165. (Рус. PEN CLUB). [Likhachev, D.S. *Kontseptosfera russkogo yazyka. Oчерki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva. RAN, In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom). 2-e izd., dop.* [The Sphere of Concepts of the Russian Language. Reviews on the Philosophy of Arts. The Russian Academy of Sciences, The Russian Literature Institute (The Pushkin House). 2nd Ed. enlarged]. St. Petersburg, BLITS Publ., 1999, pp. 147–165. (The Russian Pen Club).]
3. Иванова Н.Н. Поэтические номинации в русской лирике. М.: Наука, 1992. 135 с. [Ivanova, N.N. *Poeticheskie nominatsii v russkoj lirike* [Poetic Nominations in the Russian Lyrics]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 135 p.]
4. Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина / Отв. ред. В.Д. Левин. М.: Наука, 1969. 389 с. [Grigoreva, A.D., Ivanova, N.N. *Poeticheskaya frazeologiya Pushkina. Отв. ред. V.D. Levin* [The Pushkin Poetic Phraseology. Levin, V.D. (Ed.)]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 389 p.]
5. Гинзбург Л. Частное и общее в лирическом стихотворении // Вопросы литературы. 1984. № 10. С. 152–175. [Ginzburg, L. [The Special and the Common in a Lyric Poem] *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 1984, no. 10, pp. 152–175]
6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с. [Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovary. Pod obsch. red. prof. L.G. Babenko [The Sphere of Concepts of the Russian Language: Key Concepts and their Representations (on Lexical, Phraseological and Paremiological Materials). Babenko, L.G. (Ed.)]. Ekaterinburg, Ural Univ/ Publ., 2010, 340 p.]
7. Лотман Ю.М. Пушкин. С.-Петербург: Искусство-СПб, 1995. 847 с. [Lotman, Yu.M. *Pushkin*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1995, 847 p.]
8. Иванова Н.Н. Лексикография художественной речи: словарь поэтических номинаций // Русистика сегодня. Вып. 2. М.: Институт русского языка РАН, 1994. С. 113–133. [Ivanova, N.N. [Creative Speech Lexicography: Poetic Nominations Lexicon] *Rusistika segodnya. Vyp. 2* [Russian Philology Today. Iss. 2]. Moscow, The Russian Language Institute of the RAS Publ., 1994, pp. 113–133.]